

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИМЕНИ А.М. ГОРЬКОГО
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Тезисы докладов
научной конференции по теории литературы и культуры
«Михайловские чтения»

28–29 мая 2026 г.

Москва - 2026

28–29 мая 2026 г. состоялась ежегодная конференция по теории литературы и культуры «Михайловские чтения», посвященная осмыслению в современной науке научного наследия Александра Викторовича Михайлова (1938–1995), выдающегося российского ученого-гуманитария второй половины XX в. В широкий круг его научных интересов входят германистика, теория и история литературы и культуры, историческая поэтика, сравнительное литературоведение, философия и эстетика, искусствознание и музыковедение. Работы ученого открыли новые горизонты познания, вокруг его творчества продолжают объединяться интересы исследователей-гуманитариев разных специальностей.

В работе конференции приняли участие исследователи из научных центров России – из Екатеринбурга, Москвы, Петрозаводска, Санкт-Петербурга, Тюмени, Томска. На четырех заседаниях прочитано 19 докладов, каждый из них сопровождался дискуссией. Выступили германисты Г.И. Данилина (Тюменский гос. университет), Е.Н. Пенская (ВШЭ), А.Н. Беларев (ИМЛИ РАН), искусствовед В.Г. Арсланов (НИИ Российской академии художеств), библиограф А.Ю. Корбин (РГГУ), переводчик Е.А. Шестова (РГГУ, Томск), историки и теоретики литературы А.Л. Гумерова, Е.В. Иванова, Н.Р. Лидова, Д.С. Московская, О.А. Овчаренко, И.Л. Попова, Л.И. Сазонова, В.С. Сергеева, Н.Н. Смирнова, Л.С. Соколова, Д.М. Цыганов (ИМЛИ РАН), В.В. Турчаненко (ИРЛИ РАН), Н.Г. Шарапенкова (Петрозаводский гос. университет), С.Р. Сычева (Уральский Федеральный университет).

В настоящее время продолжается работа по систематизации материалов архива А.В. Михайлова, переданного в 2022 г. наследниками ученого в ИМЛИ РАН.

Сазонова Л.И., д.ф.н., главный научный сотрудник отдела теории литературы ИМЛИ РАН

В.Г. Арсланов (Москва)

А.В. Михайлов, франкфуртская школа и судьба марксизма в советской эстетике XX в.

А.В. Михайлов изучал как философию М. Хайдеггера, так и эстетические идеи франкфуртской школы. В отличие от многих современных поклонников Хайдеггера и Бенямина, Михайлов серьезно относился и к представителям российского философско-литературного «течения» 1930-х гг. (Мих. Лифшиц и др.). А.В. Михайлов и П.В. Палиевский высоко оценивали концепцию русской цивилизации и русской культуры, выдвинутую Лифшицем. В современной гуманитарной науке остается

маргинальной темой встреча западной философии и эстетики в лице Г. Лукача, под влиянием которого сформировалась франкфуртская школа, и Мих. Лифшица, оказавшаяся плодотворной и для Лукача, и для советской науки об искусстве. По мнению Лифшица, настоящий марксизм был чужд «лавочникам, наряженным коммунистами», которые предпочитали блокироваться с определенной частью дореволюционной интеллигенции в противодействии честному марксизму. Этому негласному союзу Лифшиц противопоставлял другой: людей всех убеждений, объединенных общим делом – противостоянием «чумазому» Салтыкова-Щедрина. Не случайно учителя Михайлова, религиозного философа А. Ф. Лосева, и марксиста Лифшица связывали многолетние дружеские и творческие отношения, начавшиеся еще в 30-х гг. XX в.

Арсланов В.Г., доктор искусствоведения, главный научный сотрудник
НИИ Российской академии художеств

E-mail: arsviktor@yandex.ru

А.Л. Гумерова, Л.С. Соколова (Москва)

Припоминание как основа композиции романа Дж.Р.Р. Толкина «Властелин колец»

В статье «О кровеносной системе литературы и ее генетической памяти» Сергей Георгиевич Бочаров говорит о литературе как о едином полотне, о том, что одно произведение может «помнить» другое, даже если его автор не помнит: «...самая ткань литературы <...> сплетается из припоминаний разного рода, <...> и можно <...> литературу представить как разветвленную память». Применительно к «Властелину колец» эти слова могут иметь особый смысл: роман изобилует как разного рода внутренними (псевдо)цитатами, по большей части представляющими собой сконструированными Толкином произведения определенных жанров, так и отсылками к реальным художественным произведениям от древнеанглийской литературы до непосредственных предшественников Толкина. Понимание внутренних цитат произведения зачастую требует внимательного и/или повторного прочтения. Благодаря специфике сюжета и внутренней философии романа отсылки к реальным произведениям даются в романе как припоминание более древних и несохранившихся произведений. Этот взгляд частично унаследован в более поздней литературе фэнтези.

Гумерова А.Л., к.ф.н., с.н.с. отдела теории литературы ИМЛИ РАН

E-mail: gratia4@yandex.ru

Соколова Л.С., аспирант отдела теории литературы ИМЛИ РАН

E-mail: solar2000@inbox.ru

Г.И. Данилина (Тюмень)

**Работа А.В. Михайлова «Судьба вещей и натюрморт»
в современном литературном контексте**

«Судьба вещей и натюрморт» – это доклад А.В. Михайлова на конференции «Вещь в искусстве» (Пушкинский музей, 1984), в котором был представлен новый теоретико-методологический подход к изучению не только натюрморта, но и пейзажа и интерьера, т.е. всей предметно-вещной сферы в живописи. Подход основан на идее непрерывных исторических изменений всех социокультурных смыслов, ключевой для научного творчества Михайлова в целом. В центр исследования выводится тем самым не готовое и «ставшее» состояние искусства, а процесс его исторических перемен.

Это новая для науки задача, и Михайлов обозначает методологические ориентиры, необходимые для ее решения.

1. Исходить из суждений и мнений современников – художников, писателей и поэтов изучаемой эпохи, из их творческой интуиции: чувства времени и рефлексии относительно того, что меняется в восприятии пространства и вещи в перспективе будущего.

2. В натюрморте анализировать вещь в соотнесенности с «межпредметным пространством» и исследовать «синтаксис вещей» – их взаимосвязь в композиции произведения, отражающую общие изменения в картине мира.

Если применить подход А.В. Михайлова к литературе рубежа XX–XXI вв., то можно увидеть, как межпредметное пространство меняется сегодня. Репрезентативный пример – романы и живопись Гюнтера Грасса, писателя, предельно внимательного к метаморфозам социальной истории и к актуальному настоящему. Его книга «Находки для нечитающих» («Findsachen für Nichtleser», 1997), составленная из акварельных рисунков-натюрмортов и включенных в них стихотворений, открывает движение к новому эстетическому значению вещи в искусстве.

Данилина Г.И., д.ф.н., доц. Тюменского государственного университета

E-mail: gdanilina@yandex.ru

А.В. Михайлов – публицист

В докладе рассматривалась особая роль пространных цитат, которые появились на задней стороне обложки «Контекст» и которые сам он называл эпиграфами, хотя вопреки традиции они не предваряли содержание выпуска, а как бы подводили его итог. Впервые они появились в первом выпуске под его редакторством «Контекст 1989», присутствовали в выпусках «Контекст 1990» и «Контекст 1991», и затем исчезли в последующих выпусках «Контекст 1992» и «Контекст 1993» и вышедшем уже после смерти А.В. Михайлова сдвоенном выпуске «Контекст 1994, 1995». Эпиграфы были взяты из публиковавшихся тогда же на страницах «Контекста» работ В. Вернадского, А.Ф. Лосева, В.В. Розанова, Мартина Хайдеггера, Франца Баадера, Софокла и Вяч. Иванова, но ни одна из цитат не была почерпнута из того конкретного выпуска, который увенчивала.

Заметка «Запаздывающая хроника “Контекста”» показывает, что они играли особую роль: для А.В. Михайлова это был способ «восстановления взаимосвязи» отдельных выпусков, преодолевающий «временные разрывы», которые происходили в издании «Контекста» по независящим от редакции причинам. В Заметке была представлена цельная сплотка этих эпиграфов по годам, что отмечает важность для А.В. Михайлова их присутствия в выпуске в тот период. Сплотка эпиграфов была подготовлена А.В. Михайловым как способ «напомнить об этих эпиграфах – о тех, которые были опубликованы и, стало быть, помещены на переплете *вовремя*, и о тех, которые были помещены уже *не совсем вовремя*, и наконец о тех, которые были найдены – и не были помещены на переплете, как случилось с «Контекстом 1992» и с не вышедшим вовремя «Контекстом 1993» («которому бы выйти в мае 1993 г. или уже пусть, на худой конец, в декабре 1993 году»), «Контекстом 1994» («которому бы выйти в 1994 г., но который не выйдет, *видно*, в 1994 году») [Михайлов, 1996, с. 23]. Из заметки следует также, что часть эпиграфов подбиралась впрок, и их включение в тот или иной выпуск напрямую зависело от времени выхода «Контекста», они должны были быть синхронизованы с ним, как писал А.В. Михайлов: «Не будем ручаться за то, что будущие “Контексты” выйдут непременно с теми эпиграфами, какие им сейчас соопределены» [Михайлов, 1996, с. 26]. Эпиграфы таким образом играли двойную роль: они определили не только связь отдельных выпусков, но и указывали на связь содержания выпуска с современностью, то есть открывали актуальный, публицистический смысл и значение его выхода именно в данный конкретный исторический момент.

1. Михайлов А.В. Запаздывающая хроника «Контекста» // Контекст 1994, 1995. М.: Наследие. 1996. С. 20–26.

Иванова Е.В., д.ф.н., в.н.с. отдела теории литературы ИМЛИ РАН
E-mail: evi@l-z.ru

А.Ю. Корбин (Москва)

**Библиотека Александра Викторовича Михайлова, опыт
описания в контексте биографии**

Цель доклада продемонстрировать состав и способ организации находящегося в РГГУ рукописного карточного каталога и библиотеки Александра Викторовича Михайлова, а также подвести итог четырехлетней работе по описанию данного собрания, состоящего из примерно 8000 книг.

1. Каталог был не статичной, но динамической средой, «мастерской» ученого. Именно систематическая работа с каталогом ложилась в основу теоретических и историко-литературных текстов исследователя.

2. Через каталог можно проследить этапы научной биографии ученого. Большинство библиографических карточек имеет указание на место и время приобретения книг, а также содержит различные библиографические данные, отражающие научно-исследовательскую работу владельца. Наличие дарственных экземпляров и инскриптов (например, от Йорга и Хейди Хайдеггер) раскрывает широкий круг общения А. В. Михайлова в немецкой научной и культурной среде.

3. Также собрание необходимо рассматривать как слепок немецкой культуры Нового времени — от барокко до середины двадцатого века. Многие издания в коллекции обладают музейной ценностью, отражая вехи в развитии немецкой культуры.

Корбин А.Ю., РГГУ
E-mail: korbinsasha@yandex.ru

Н.Р. Лидова (Москва)

**Метафизика вкуса (расы) в «Натъяшастре»:
от физиологии чувства к категории сверхчувственного**

Целью доклада является рассмотрение основных этапов формирования сложной и многогранной теории «вкуса» (на санскрите – раса) в древнеиндийской традиции. Было показано, как формировалась характерная для этой теории метафизика восприятия, в которой вкус, пройдя через ритуальную практику и философское осмысление, из простого чувственного переживания превратился в концепцию, описывающую выход за пределы индивидуального опыта в область универсального, сверхчувственного сознания. Важную, по сути, переходную роль при этом играло эстетическое восприятие, маркирующее тот важнейший этап, на котором вкус из «технического» аппарата чувств, преобразовывался в сверхчувственный опыт эмоционального переживания расы.

Богатство теории «Натъяшастры» (2 в.до н.э. – 2 в.н.э.) заключалось в том, что она сохранила основные концептуальные и исторические аспекты

иерархически выстроенной эволюции вкуса. Определяя метафизическую сущность расы на основе метафоры гастрономического вкуса, который не содержится в отдельных ингредиентах, но возникает в приготовленном блюде при их правильном сочетании, она связывала с ними те приемы драмы, которые, соединяясь, удовлетворяли рафинированному вкусу знатока и, при определенных условиях, вели его дальше, в порождаемое искусством трансцендентное переживание полноты бытия, создающее вкус постижения истины.

Как было показано в докладе именно в этом и проявлялась метафизика индийских представлений о вкусе, выводящая это понятие за рамки физиологии восприятия (сладкое/горькое) в область фундаментальных принципов бытия, где вкус переставал быть субъективным ощущением, и становился онтологическим мостом между сущим (окружающей нас реальностью) и Абсолютом (высшей истиной).

Лидова Н.Р., к.ф.н, отдела теории литературы ИМЛИ РАН
E-mail: n.lidova@mail.ru

Д.С. Московская (Москва)

Современный статус комментария и принцип историзации в трудах А.В. Михайлова

Проблема научного комментария самым непосредственным образом связана с вопросом о статусе текстологии как филологической дисциплины. В трудах А.В. Михайлова эта проблема получила герменевтическое осмысление, поводом для которого стал выход нового издания «Писем русского путешественника» Н.М. Карамзина и критического издания «Иконостаса» П.А. Флоренского. Михайлов выступил в своих отзывах об этих изданиях против сформированного в советские годы упрощенного понимания текстологии как технической подготовки текста, рассчитанного на широкое потребление. Он определял текстологию как область филологии, непосредственно связанную с проблемой самоидентификации слова и точности его исторического понимания, всем тем, что в его понимании составляло главную задачу науки о литературе, а именно историзацию смысла слова. В основе концепции историзации лежало убеждение Михайлова в том, что филологическая строгость в отношении смысла слова представляет собой форму научной ответственности литературоведа перед культурой. Забвение исторической семантики слова ведет к разрушению культурной памяти, к утрате способности понимать прошлое в его собственных категориях. Текстология призвана обеспечить не только достоверное воспроизведение текста, но также реконструкцию условий его исторического существования.

В личном архиве Михайлова в ОР ИМЛИ сохранилась машинопись его тезисов «Истолкование герменевтики. Традиции русской и немецкой герменевтики». В них отмечена принципиальная особенность отечественной филологической мысли, отличающая ее от западной, а именно свойственный ей поиск объективных оснований исторических суждений. «Поэтому наши литературоведы – пишет Михайлов, – дружно протестуют против той свободы и произвольности истолкования культурных текстов, которые характерны для западной теории». В отличие от многих направлений западной герменевтики и постструктуралистской теории, отечественная наука стремилась ограничить произвольность интерпретации посредством исторической конкретизации смысла текста, что наблюдалось уже в дискуссиях о статусе текстологии в 1920-е гг. Однако позже историзм комментария оказался во многом подчинен идеологическим задачам. Приоритет позднесоветской текстологии был отдан подготовке научно достоверного текста, тогда как интерпретации отводилась скромная сфера историко-литературных штудий.

Архивная революция 1990-х гг. изменила ситуацию, открыв широкие возможности для новых прочтений литературного наследия. В то же время в отечественном литературоведении усилилось влияние теоретических концепций, ориентированных не на реконструкцию исторического смысла, а на анализ языковых структур и множественности интерпретаций. Дискуссии начала XXI в. выявили две основные тенденции в понимании комментария. Первая сохраняла приверженность академическому контекстному комментированию, основанному на накоплении и критической проверке исторических данных. Вторая исходила из приоритета интерпретирующего сознания и рассматривала комментарий как один из возможных способов смыслопорождения. Эти подходы по-разному решали вопрос о соотношении исторической истины и интерпретации.

Концепция историзации смысла слова А.В. Михайлова преодолела это противопоставление. Центральное место в его работах занимала идея исторического бытования слова. История слова была для него способом реконструкции исторической жизни вещей и одновременно средством преодоления привычного «обратного проецирования» современной точки зрения на прошлое. Понятие «языка культуры», разработанное Михайловым, открывало перспективу соединения имманентного и контекстуального анализа текста. В рамках такой методологии комментарий выступал не только инструментом накопления сведений, но и способом выявления исторически обусловленных уровней понимания (ср. название работы, сохранившейся в архиве Михайлова в виде тезисов: «Уровни текста»). Таким образом историзация оказывалась связанной не с простым обращением к реалиям прошлого, а с опытом реконструкции культурной «аксиоматики эпохи» – еще одно понятие, введенное Михайловым для определения исторически

обусловленного функционирования слов и текстов. Согласно Михайлову, важнейшим условием научного комментирования является осознание исследователем границ собственного знания (осознание собственного незнания). В таком случае комментарий предстает уже не только формой научного знания, но прежде всего практикой культурной памяти, позволяющей сохранять связь между современным сознанием и историческим опытом предшествующих эпох.

Московская Д.С., д.ф.н., заместитель директора по научной работе
Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН, д.ф.н.

E-mail: darya-mos@yandex.ru

И.Л. Попова (Москва)

Метафизика чувств: 1. Вкус (*К постановке проблемы*)

Доклад представляет проект, посвященный изучению *вкуса* в образах словесного искусства, поэтике мировой литературы, сравнительно-исторических исследованиях языковых картин мира. Специальная тема – синтез наук и искусств, связь метафизики чувств с теорией и историей эмоций.

Вкус как одно из пяти чувств и универсальная категория чувственного восприятия мира является предметом физиологии, антропологии, эстетики, наиболее поздним и долгое время наименее изученным. Еще в начале XX в. словари и энциклопедии отмечали заметное отставание физиологии вкуса от физиологии зрения и слуха; хотя концепция «основных вкусов» восходит по крайней мере ко времени Аристотеля, *вкус* как категория эстетики относится к середине XVII в.

Пять чувств в образах литературного творчества и на путях синтеза словесного, музыкального, изобразительного искусства были теоретизированы в начале XX в. Внимание к метафизике чувств поддерживалось исследованием повседневности, установлением связи между стилем писателя и его видением жизни: чтобы воссоздать «кусочек жизни», перевести на язык искусства радости и печали своего поколения, нужно передать звуки, запахи, вкусы улицы. Образы пяти чувств, становясь частью или фоном, декором, сюжета, создают образ времени.

Проект исследует проблему синтетических образов, визуальных и звуковых пейзажей; теорию «основных вкусов» в различных культурах и ареалах, в национальных картинах мира, запечатленных в словесном искусстве. Специальным предметом изучения является синергия чувств и

взаимоосвещение языков их описания. Вторая часть проекта – «Метафизика чувств: 2. Слух (Музыка. Слово)».

Попова И.Л., д.ф.н., в. н. с., ИМЛИ РАН

E-mail: irina.popova@mail.ru

Л.И. Сазонова (Москва)

**«Три приближения к Гёте»:
статьи А.В. Михайлова о художественном видении Гёте**

В докладе установлено, что проблеме художественного видения Гёте посвящена не только опубликованная статья А.В. Михайлова «Глаз художника» (1976), но и находящаяся в архиве ученого работа «Солнцевидный и туманный глаз художника» в двух статьях («Статья 1» и «Статья 2»). Перед нами своего рода триптих, смысловое единство статей, посвященных общей теме. Они относятся к некоторым темам философской эстетики и исходят из дистиха Гёте: «Что самое трудное? То, что тебе кажется самым легким: видеть глазами то, что у тебя перед глазами» («Смирные ксении»). Вещи предназначены для того, чтобы их видеть и осязать. Однако сказанное у Гёте не исчерпывается этой первой стороной. Есть и другая: за видимостью и за самыми вещами скрыто внутреннее предмета. Глаз заглядывает в недоступное зрению нутро. Внутреннее вещи само по себе не доступно зрению, это область *по-за-видимого*: со зрением связано *умозрение*. Образуется квадрат представлений: «глаз – Бог – видение – умозрение». Герменевтический сюжет раскрывается в широком контекстуальном поле от Плотина до Гёте. Между тремя статьями имеются пересечения текстов. «Глаз художника» входит составной частью в «Статью 2» «Солнцевидного и туманного глаза художника», текст которой пространнее, разделен на три части и имеет в ряде случаев иное членение на абзацы. Отредактирован в статьях общий финал. «Статья 1» «Солнцевидного и туманного глаза художника» посвящена той же проблематике, исходной точкой является тот же дистих Гёте, здесь также содержится авторская правка, вставки, как от руки, так и машинописные. Однако по тексту это отдельная, самостоятельная статья. Ее и следует опубликовать в первую очередь.

Сазонова Л.И., д.ф.н., главный научный сотрудник отдела теории литературы ИМЛИ РАН

E-mail: lidasaz17@mail.ru

**«Приближать» или «отчуждать»: репрезентация прошлого в
современной детской
литературе**

(Исследование выполнено в рамках гранта РНФ № 24-78-10093 «Поэтика пространства: кросскультурные связи русской и зарубежной фантастической литературы», <https://rscf.ru/en/project/24-78-10093/>)

В докладе поднята тема изображения прошлого как проблема перевода с одного языка культуры на другой, в контексте идей А.В. Михайлова. На материале детско-подростковой фантастической литературы рассматривается развитие исторической эмпатии (в том числе, как педагогической тенденции 1960–1980-х гг.), баланс «остранения» и приближения исторического прошлого для читателя-школьника, еще не обладающего достаточным знанием для того, чтобы выстроить картину самостоятельно. Основой для исследования послужили две группы текстов: отечественное фэнтези на русском материале (преимущественно, сказочно-мифологическом) и отечественное фэнтези на европейском материале (альтернативный мир условно-европейского Средневековья); отдельно рассматривались произведения, в которых герои существуют на грани миров – узнаваемость происходящего в них обеспечивают, в том числе, произведения массовой культуры. Особую значимость обретает проблема жанра в детской литературе; так, произведения, тяготеющие к сказке, зачастую оказываются более дидактичны и прямолинейны, чем произведения в жанре фэнтези. Детское фэнтези, в свою очередь, следует тенденциям взрослой литературы, в том числе развивает образы активных женских персонажей. Отражает фантастическая литература на историческом материале и господствующие историографические подходы, переходя от классовой борьбы и определенных социально-экономических формаций к воссозданию атмосферы эпохи, изображению человеческих взаимоотношений, проблеме взросления и выбора, роли личности и семейной истории.

Сергеева В.С., к.ф.н., с.н.с. отдела теории литературы ИМЛИ РАН
E-mail: yogik84@mail.ru

Н.Н. Смирнова (Москва)

Еще раз о понятии *произведения* у А.В. Михайлова

Значение понятийной системы А.В. Михайлова и его видение задач науки о литературе – важные темы для осмысления наследия ученого.

А.В. Михайлов рассматривал язык науки и обыденное говорение как единую языковую материю науки о литературе. Любой теоретический язык оказывается историчным, а потому не может быть отделен в качестве такового от обыденного. Саморефлексия, самоописание и самоосмысление науки о литературе А.В. Михайлов видит в сфере историзма, через осознание эволюции мысли, представлений, через осознание меняющейся материи самого предмета литературоведения.

Произведение предстает как этот меняющийся предмет: были времена, когда ему предшествовали рассказы о неких событиях и их многочисленные пересказы. Произведение – сравнительно поздняя форма в литературе. Любое произведение состоит из множества предшествующих ему рассказываний о том, что, из этих что, как говорит А.В. Михайлов.

Произведение как «что», с которым имеет дело наука о литературе, – ускользающая материя. Ускользание – постоянный контакт непрерывности творческого процесса с будущим, равно как и самого его результата – произведения, которое есть разворачивание смысла в истории.

Смирнова Н.Н., д.ф.н., с.н.с. отдела теории литературы ИМЛИ РАН
E-mail: nnsmirnova@mail.ru

Н.Г. Шарапенкова (Петрозаводск)

«Лабиринты сознания»: особенности урбанистического пространства в романах Андрея Белого «Москва» и Густава Майринка «Голем»

Выявлены специфические черты урбанистического пространства при описании Первопрестольной в последнем и недостаточно изученном романе Андрея Белого «Москва» (1926–1932) и столицы Богемии – «мистической Праги» – в романе «Голем» (1915) австрийского писателя, представителя Пражской школы экспрессионизма Густава Майринка. В романе «Москва» исследован образ грозной и демонической, предвоенной и предреволюционной Первопрестольной, с одной стороны, и «города-деревни», близкой сердцу автора, с другой. В романе «Голем» – пространство Еврейского квартала Праги. Выявлена особая символично-мистическая роль

городских «закоулков, тупичков, переулков» белокаменной столицы, которые определяют духовный путь героя, математика Ивана Коробкина, и «лабиринта улиц», в котором пройдет путь становления (инициации) резчика камней Атанасиуса Перната. Урбанистическое реальное пространство Москвы и Праги тесными нитями переплетено с духовными поисками героев, с их внутренней (сновидческой, мистико-окультурной) реальностью. Декодировка урбанистического пространства позволила выстроить связи между романами Андрея Белого и Густава Майринка, выйти к глубинному идейному плану обоих произведений. Поставлена проблема амбивалентности финалов обоих романов, в которых реальная топография Москвы и Праги «подсвечена», дана в преображенном утопическом виде. Оба писателя своими мистико-религиозными «запредельными» исканиями формы, стиля и тематики привели к обновлению самого жанра романа.

Шарапенкова Н.Г., д.ф.н., доцент Петрозаводского гос. университета
E-mail: natshar@mail.ru